

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СВЯЩЕННЫХ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть четыре руб., съ пересылкою пять р. с. Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кievской семинаріи.

№ 33.

1870 года. Августа 16-го.

Содержаніе: Что болѣе всего необходимо пастырю Церкви, чтобы благоуспѣшно и благоплодно проходить пастырское служеніе?—Древне христіанскій религиозный символизм.—Воскресныя бесѣды.

ЧТО БОЛѢЕ ВСЕГО ПОТРЕБНО ПАСТЫРЮ ЦЕРКВИ, ЧТОБЫ БЛАГОУСПѢШНО И БЛАГОПЛОДНО ПРОХОДИТЬ ПАСТЫРСКОЕ СЛУЖЕНІЕ?

Первое и самое главное, что необходимо пастырю Церкви для благоуспѣшности и благоплодности пастырскаго служенія его, это-то, чтобы храмъ души его всегда былъ храмомъ Св. Духа, иначе сказать, чтобы въ немъ постоянно пребывала и дѣйствовала благодать Всесвятаго Духа. Божественная благодать, *немоущая врачующая и оскудѣвающая восполняющая*, необходима всякому христіанину, желающему благоуспѣшно совершить дѣло своего спасенія; безъ нея христіанинъ не можетъ ни имѣть правой вѣры, ни творить истинно добрыхъ дѣлъ (Еф. 2, 8), а слѣдовательно не можетъ и наслѣдовать животъ вѣчный. Но особенно и, такъ сказать, сугубо необходима она пастырю Церкви, ко-

торый званіемъ своимъ обязанъ умудряться во спасеніе не только свое, но и другихъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и св. Церковь тѣмъ, что званіе пастыря словеснаго стада Христова сообщаетъ избранному ею не какимъ либо обрядомъ, но особеннымъ таинствомъ, въ которомъ чрезъ видимое возложеніе рукъ свѣтительскихъ невидимо низводятся на избраннаго особенные дары Св. Духа для сообщенія ему силъ къ успѣшному прохожденію великаго служенія его. И не трудно понять, почему пастырю Церкви особенно нужна благодать Св. Духа. Пастырь Церкви, какъ учитель вѣры и благочестія, долженъ озарять всѣхъ своихъ пасомыхъ свѣтомъ истиннаго богопознанія и богопочтенія, а для сего онъ долженъ самъ знать во всей полнотѣ, широтѣ и глубинѣ всѣ истины, входящія въ составъ христіанской религіи. Но кто дастъ ему смыслъ для такого пониманія сихъ истинъ, какъ не благодать Св. Духа? Если, по слову св. Писанія, всякая премудрость есть даръ Господа (Прит. 2, 6), то тѣмъ болѣе *премудрость Божія въ тайнѣ сокровенная, юже предъстави Богъ прежде всѣхъ въ славу нашу* (1 Кор. 2, 7), которую проповѣдывали апостолы, и которую должны проповѣдывать пастыри Церкви, — даруется только благодатію Св. Духа. Пастырь Церкви, какъ руководитель другихъ ко спасенію, долженъ, по заповѣди Пастырначальника Іисуса Христа, быть *мудръ яко змѣя и цѣль яко голубъ* (Матѣ. 10, 16). Но кто даруетъ ему и мудрость змѣину и чистоту голубиную, какъ не благодать Св. Духа? Вообще пастырь Церкви, для устроенія спасенія своихъ пасомыхъ, долженъ неутомимо бодрствовать на стражѣ своей паствы, внимательно и зорко слѣдить за всѣми поступками своихъ пасомыхъ, и, по заповѣди Апостола, *проповѣдывать слово, наставлять благовременно и безоремленно, обличать, умолять со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. 4, 2) и, въ случаѣ нужды,

положить за нихъ душу свою, да представитъ всякаго человека совершенна о Христѣ Иисусѣ (Кол. 4, 28). Но кто дастъ ему крѣпость и силы, необходимыя для точнаго и постояннаго исполненія сихъ многотрудныхъ обязанностей, если не благодать Св. Духа? И св. апостолы чему главнымъ образомъ обязаны необыкновеннымъ успѣхомъ своей проповѣди, какъ не благодати Св. Духа? Чѣмъ были они до сошествія Св. Духа въ дѣлѣ пониманія домостроительства спасенія рода человѣческаго, совершеннаго крестною смертію Иисуса Христа? Умъ ихъ, пока не былъ облагодатствованъ Св. Духомъ, до такой степени былъ косень и медленъ въ пониманіи духовныхъ предметовъ, что, не смотря на неоднократныя внушенія и наставленія Спасителя, направленные къ тому, чтобы сколько нибудь сдѣлать имъ понятнымъ дѣло спасенія рода человѣческаго, — оно для нихъ оставалось непостижимымъ. За то, какая удивительная перемѣна совершилась въ нихъ послѣ того, какъ сошелъ на нихъ Духъ Святой! Они, *невѣжды бывше*, по выраженію церковной пѣсни, *умудришася*; покрывало, лежавшее на очахъ ума ихъ, незареннаго Св. Духомъ и скрывавшее отъ нихъ тайну спасенія рода человѣческаго крестною смертію Единороднаго Сына Божія, — спало, вслѣдствіе чего все, касавшееся сей тайны, и бывшее для нихъ неяснымъ и непонятнымъ, послѣ сошествія на нихъ Св. Духа, сдѣлалось для нихъ ясно, какъ день. Это — потому, что Духъ Святой *отверзъ имъ умъ разумѣти не только писанія* (Лук. 24, 45), но и все, что относилось къ христіанской религіи. Озаренные свѣтомъ Его, они исполнили ясно поняли, *кое есть упованіе званія Иисуса Христа, кое есть богатство славы достоянія Его во святыхъ, и кое преспяющее величество силы Его въ насъ вѣрующихъ по дѣйствию державы крѣпости Его* (Еф. 1, 18 и 19); исполнили уразумѣли, что *широта и долгота и глубина и высота*, равно какъ и

престыющую разумъ любовь Христову, и вообще получили такую мудрость, которой, согласно предсказанію Спасителя, не могли противиться *все противляющіися истинѣ*. Этого мало: вмѣстѣ съ сошествіемъ Св. Духа апостолы получили такую смѣлость и дерзновеніе, что ни угрозы, ни прещенія, ни даже мученія не удержали ихъ отъ проповѣданія ученія Христова всѣмъ и всюду. Сознавая необходимость благодати Св. Духа для уснѣшнаго исполненія пастырскаго служенія, пастыри Церкви должны не только не угашать Духа Святаго Божія, Имже знаменовались въ день избавленія, но паче и паче исполняться Имъ. Средства для этого суть: постоянная, теплая и усердная молитва къ Богу, благоговѣйное участіе въ таинствахъ и блюденіе себя отъ всякія свверны плоти и духа.

Второе, что потребно пастырю Церкви для благоуспѣшности и благоплодности пастырскаго служенія его,—это искреннія и крѣпкая, какъ смерть, любовь къ Богу. И подлинно, если всякій христіанинъ, то по преимуществу пастырь Церкви долженъ, по заповѣди Божіей, *возлюбить Господа Бога отъ всего сердца своего и отъ всея души своея, и всю крѣпостію своею и всѣмъ помышленіемъ своимъ* (Лук. 10, 27). Пастырь Церкви мало принесетъ пользы своимъ пасомымъ и какъ учитель вѣры и благочестія и какъ руководитель ихъ ко спасенію, если не будетъ имѣть ревности о славъ Божіей подобной той, какую имѣли ветхозавѣтные пророки—Моусей и Ілія. Только ревность о славъ Божіей можетъ заставить его заботиться о томъ, чтобы пасомые его, всѣ—отъ мала до велика, имѣли истинное понятіе о Богѣ и отношенія Его къ міру и человѣку; только ревность о славъ Божіей можетъ внушить ему смѣлость и дерзновеніе проповѣдывать истины христіанской религіи всѣмъ и каждому, неутомимо и постоянно; только ревность о славъ Божіей можетъ побудить его обличать муд-

рецовъ вѣка сего, взимающихся на разумъ Божій и поражать мечемъ слова Божія мудрованія лжеименнаго ума ихъ, направленныя къ опроверженію драгоцѣннѣйшихъ для сердца благочестиваго христіанина истинъ Христовой религіи. Вообще—только ревность о славѣ Божіей можетъ побудить пастыря Церкви заботиться о томъ, чтобы имя Божіе, святое само въ себѣ, было извѣстно всѣмъ людямъ и свяtilось въ жизни ихъ. Но пастырь Церкви не можетъ ревновать по славѣ Божіей, если сердце его не будетъ согрѣто огнемъ любви къ Богу; потому что ревность сія есть плодъ любви къ Богу и по силѣ своей всегда соотвѣтствуетъ силѣ любви христіанина къ Богу. Посему необходимо пастырямъ Церкви всемірно стараться насаждать и утверждать въ сердцахъ своихъ неизмѣнную, горячую любовь къ Богу. Для сего нужно какъ можно чаще размышлять о безконечныхъ совершенствахъ Божіихъ, о безконечной любви Божіей къ роду человѣческому, явленной въ твореніи и особенно въ искупленіи его и теперь являемой въ непрестанномъ промысленіи о немъ и наконецъ о тѣхъ вождеденныхъ благахъ, какія доставляетъ христіанину истинная любовь къ Богу, эта первая и важнѣйшая изъ всѣхъ добродѣтелей христіанскихъ. Образцами глубокой любви къ Богу и пламенной ревности о славѣ Его да послужать для всѣхъ пастырей Церкви первые ея пастыри—св. апостолы, эти высокіе и святыя образцы всѣхъ пастырей Церкви. Любовь ихъ къ Богу была такъ велика, что ни скорбь, ни тѣснота, ни гоненія, ни гладъ, ни нагота, ни бѣда, ни мечь, ни смерть, ни животъ, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни грядущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая либо тварь не могли разлучить отъ любви Божія, яже о Христь Иисусъ Господь нашъ (Рим. 8, 35. 39). Силѣ любви ихъ къ Богу соотвѣтствовала сила ревности ихъ о славѣ Божіей: движимые ею, они

красными ногами обтекли весь тогдашній міръ съ цѣлью разсвѣять тьму невѣрія и лжевѣрія и озарить всѣхъ, сѣдѣвшихъ во тьмѣ и сѣни смертной, свѣтомъ ученія Христова.

ДРЕВНЕ - ХРИСТИАНСКІЙ РЕЛИГІОЗНЫЙ СИМВОЛИЗМЪ ¹⁾.

Изъ животныхъ четвероногихъ, изображенія которыхъ встрѣчаются на памятникахъ древне-христіанскаго искусства, болѣе употребительны: 1) *Агнецъ*, 2) *Овцы*, 3) *Телецъ*.

1. Агнецъ.

Изображеніе агнца на древне-христіанскихъ археологическихъ памятникахъ имѣетъ двоякое и въ высшей степени знаменательное значеніе. Оно служило нѣкогда съ одной стороны символомъ страждущаго Христа Спасителя, съ другой—символомъ христіанина. Отсюда понятно, сколько можетъ быть интереса какъ въ самомъ разсмотрѣніи символическихъ изображеній агнца, такъ и тѣхъ побужденій, по которымъ первенствующіе христіане соединяли съ этими изображеніями то и другое значеніе.

а) *Агнецъ служилъ символомъ Иисуса Христа.*

Такъ какъ существенный характеръ Божественнаго Искупителя есть характеръ всемірной жертвы, принесенной Имъ на Голгофѣ за грѣхи человѣческаго рода: то неудивительно, что первенствующіе христіане для оживленія и возбужденія своей вѣры въ Божественнаго Искупителя—въ то время, когда на общественныхъ христіанскихъ памятникахъ, по причинѣ гоненій отъ язычниковъ, неудобно было дѣлать ни открытаго изображенія вѣста, ни тѣмъ болѣе Распятія

¹⁾ См. № 25—й.

(креста съ изображеніемъ на немъ Спасителя), и другихъ прямыхъ изображеній страждущаго Спасителя, стали вмѣсто того изображать агнца, который въ продолженіи первыхъ шести вѣковъ христіанства и служилъ, поэтому, самымъ употребительнымъ и самымъ знаменательнымъ символомъ, замѣнявшимъ на памятникахъ христіанскаго искусства живыя изображенія страждущаго Богочеловѣка. И надобно замѣтить, что первые вѣрующіе къ мысли употребить для выраженія голгофской искупительной жертвы символическія изображенія агнца пришли самымъ прямымъ и естественнымъ путемъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что все значеніе и вся сила ветхозавѣтныхъ жертвъ состояла въ томъ, что онѣ служили тѣнію, или прообразомъ крестной жертвы Спасителя (2 Коринѣ. 5, 12. Евр. 9 и 10 гл.). Но самую обыкновенною жертвою въ ветхомъ завѣтѣ служилъ именно агнецъ (Быт. 4, 4. Исх. 12, 3—5. 20, 38. Исаи 53, 7). Такимъ образомъ Спаситель еще въ ветхомъ завѣтѣ представлялся подъ символическимъ знакомъ агнца. Этотъ символъ былъ тогда такъ понятенъ и общезвѣстенъ, что Іоаннъ Креститель при первой встрѣчѣ съ Спасителемъ прямо называетъ Его агнцемъ, котораго давно ожидали израильтяне: *се агнецъ Божій*, говоритъ онъ о Спасителѣ, *вземлай грѣхи міра* (Іоан. 1, 29). За Предтечею и апостолы называютъ Иисуса Христа такъ же *агнцемъ чистымъ и непорочнымъ*, который былъ предназначенъ еще *отъ сложенія міра*, но явился въ послѣднія времена (1 Петр. 1, 19. Апок. 5, 9). Изъ новаго завѣта этотъ символическій образъ агнца перешелъ въ языкъ святыхъ отцевъ ¹⁾ и затѣмъ въ языкъ самой Церкви. Такъ, при совершеніи таинства евхаристіи священникъ до сихъ поръ еще произноситъ

¹⁾ Іустин. Разговоръ съ Трифономъ XI. Тертул. Противъ Іудеевъ VIII и проч.

слѣдующую символическую формулу: »Жрется агнецъ Божій, вземлий грѣхъ міра«..... При такомъ тѣсномъ отношеніи агнца къ Иисусу Христу, какое находится въ ветхомъ и новомъ завѣтахъ, совершенно естественно, что его изображеніе въ значеніи символическаго знака страдающаго Спасителя явилось на всѣхъ родахъ археологическихъ памятниковъ первенствующей Церкви Христовой, какъ восточной, такъ и западной. Это изображеніе имѣло въ то время двойную выгоду,—съ одной стороны вызывало въ душѣ вѣрующихъ воспоминаніе о Божественномъ Агнцѣ, закланномъ на Голгофѣ ради ихъ спасенія, не обнаруживая этой тайны предъ язычниками,—съ другой—не служило соблазномъ для слабой вѣры неопитовъ, что могло быть въ случаѣ прямыхъ изображеній крестныхъ страданій Богочеловѣка; почему изображеніе агнца для вѣрующихъ первыхъ вѣковъ, особенно въ эпоху гоненій отъ язычниковъ, замѣняло, какъ мы уже выше сказали, настоящее христіанское Распятіе, которое то утѣшало и примиряло ихъ съ ихъ горькою судьбою среди враждебнаго языческаго общества, то ободряло и вдохновляло на новую борьбу съ отжившими началами языческой древности..... Но, оставаясь однимъ и тѣмъ же по цѣли и своему внутреннему значенію, символическій образъ агнца въ своихъ внѣшнихъ представленіяхъ, проходя чрезъ первые шесть вѣковъ, подвергся различнымъ преобразованіямъ, которыя, придавая изображенію агнца все болѣе и болѣе рѣшительные атрибуты Бога Спасителя, мало по малу приводятъ насъ, наконецъ, отъ образа къ самой высочайшей дѣйствительности его. Вотъ краткій очеркъ главнѣйшихъ преобразованій символическихъ изображеній агнца ¹⁾:

¹⁾ Étude archéologique sur l'agneau et le Bon-Pasteur, par l'abbé Martigny. Maçon. 1860 an.—Dictionnaire des antiquités chrétiennes, par M. l'abbé Martigny. Paris. 1865. pag. 19 l'art. Agneau.—Caractéristiques des Saints, Cahier. t. I, II.

Самый древній способъ символическаго изображенія агнца на христіанскихъ археологическихъ памятникахъ состоитъ въ томъ, что агнецъ представляется стоящимъ на горѣ, изъ которой бѣгутъ четыре потока ¹⁾,—намѣкающіе на животворное дѣйствіе евангельской проповѣди. Древность этихъ изображеній доказывается тѣмъ, что они находятся на днѣ позлащенныхъ чашъ, принадлежащихъ къ роду памятниковъ весьма древнихъ,—а долгое господство ихъ въ практикѣ христіанскаго благочестія видно уже изъ того, что они встрѣчаются на саркофагахъ—памятникахъ относительно новѣйшихъ,—только съ прибавленіемъ подробностей иногда весьма знаменательныхъ, какъ, на примѣръ, на одной Марсельской гробницѣ къ главному сюжету символическаго агнца прибавлено еще изображеніе двухъ оленей, утоляющихъ жажду въ текущихъ изъ горы источникахъ—символическій образъ душъ вѣрующихъ, утоляющихъ свою духовную жажду въ водахъ небснаго ученія Христова.

Дальнѣйшія видоизмѣненія въ изображеніи агнца состоятъ въ томъ, что онъ представляется съ атрибутами пастуха, ваковы сосудъ для молока и пастушескій посохъ,—по всей вѣроятности, на основаніи слѣдующихъ словъ Апокалипсиса: *яко агнецъ спасетъ я* (т. е. пострадавшихъ на землѣ за вѣру Христову), *и наставитъ ихъ на животныя источники водъ* (Апок. 7, 17). Съ IV вѣка агнецъ изображается на памятникахъ христіанскаго искусства въ новой, и еще болѣе знаменательной постановкѣ. Такъ, на саркофагѣ Юнія Васса изображено нѣсколько агнцевъ въ положеніи и съ атрибутами или самаго Спасителя въ нѣкоторыхъ событіяхъ Его жизни, каково, на примѣръ,

¹⁾ Въ такой же точно постановкѣ на христіанскихъ археологическихъ памятникахъ очень часто изображался Спаситель и въ собственномъ лицѣ своемъ.

воскрешеніе Лазаря, умноженіе хлѣбовъ,—или же въ положеніи лицъ ветхозавѣтныхъ, бывшихъ прообразами Спасителя, какъ, напримѣръ, въ положеніи Моисея, низводящаго воду изъ камня, или получающаго скрижали закона. Затѣмъ, въ V вѣкѣ мы находимъ изображенія агнца съ сіяніемъ, или свѣтовымъ кругомъ (нимбомъ) около головы его. Такъ онъ представляется въ мозаикахъ нѣкоторыхъ римскихъ и равенскихъ церквей: въ мозаикѣ церкви св. Іоанна латранскаго, относящейся къ 462 году, въ мозаикѣ церкви св. Космы и Даміана, относящейся къ 530 году и въ мозаикѣ церкви св. Виталія равенскаго, относящейся къ 547 году по Рождествѣ Христовѣ.

Но, такъ какъ цѣль первенствующей Церкви Христовой въ принятіи символическаго изображенія агнца прежде всего и главнымъ образомъ состояла въ томъ, чтобы этимъ символическимъ знакомъ вызвать въ душѣ вѣрующихъ воспоминаніе о страданіяхъ Богочеловѣка: то, какъ только явилась возможность, символическій агнецъ сталъ изображаться съ атрибутами самаго распятаго Богочеловѣка. Такъ, начиная со второй половины IV вѣка, вокругъ головы агнца, вмѣсто простаго сіянія (нимба), дѣлается крестообразное, потомъ является крестъ въ формѣ монограммы Христовой (объ этомъ символическомъ знакѣ рѣчь впереди) и наконецъ въ V вѣкѣ—обыкновенный настоящій крестъ.... Въ VI же вѣкѣ значеніе символическаго агнца становится еще прозрачнѣе,—атрибуты его еще ближе подходятъ къ образу страждущаго Спасителя. Въ это время онъ изображается возлежащимъ на жертвенникѣ у подножія креста, *яко заколенъ* (Апокал. 5, 6).... Не много поздиѣ онъ изображается съ открытою ранюю въ боку и съ ранами на ногахъ, а изъ той и изъ другихъ течетъ его кровь. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мозаикахъ онъ представляется стоящимъ на тронѣ у подножія креста, а кровь, текущая изъ его бока,

падаетъ въ чашу. Отъ подножія этой чаши и самаго агнца кровь раздѣляется на пять потоковъ, которые ниже соединяются въ одну рѣку. Можно ли не видѣть здѣсь живой и весьма прозрачной эмблемы Спасителя, пригвожденнаго на крестѣ и пролившаго кровь свою изъ пяти священныхъ ранъ своихъ. Неудивительно, что появленіе послѣдняго типа символическаго агнца сливается со временемъ появленія первыхъ Распятій. Въ самомъ дѣлѣ, почти въ это время св. Григорій турскій упоминаетъ о существованіи одного Распятія, по всей вѣроятности, самаго древняго, какой только былъ извѣстенъ, пользовавшагося въ его время великимъ почитаніемъ въ церкви нарбонской. Впрочемъ даже и тогда, когда обычай непосредственнаго личнаго изображенія Спасителя на крестѣ повсюду распространился въ первенствующей Церкви Христовой, — и — тогда агнецъ изображался иногда у ногъ Спасителя, а чаще всего на оборотной сторонѣ креста. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ символическій образъ сошелся съ самымъ изображаемымъ Лицемъ Богочеловѣка и отодвинулся на задній планъ, уступивъ подобающее мѣсто самой истинѣ и дѣйствительности. Этотъ обычай изображенія агнца на крестѣ совмѣстно съ Лицемъ Спасителя удержался до X вѣка въ церкви западной. Что же касается до востока, то 82 правило трульскаго собора, бывшаго въ Константинополѣ, повелѣвая изображать на иконахъ вмѣсто древняго агнца, служившаго тѣнію истины, самаго Агнца Божія въ человѣческомъ видѣ, упоминаетъ только объ одномъ случаѣ употребленія символическаго агнца на иконѣ Іоанна Крестителя, указывающаго перстомъ на агнца.

б) *Агнецъ служилъ символомъ христіанъ* ¹⁾. Вотъ

Бромъ символическаго образа страждущаго Спасителя,

¹⁾ Étude archéologique sur l'agneau et le Bon-Pasteur, par l'abbé M. Martigny. 1860 an. — Dictionnaire des antiquités chrétiennes, Martigny. 1865. pag. 19 l'art. Agneau

агнецъ служилъ въ первенствующей Церкви Христовой еще символомъ вѣрующихъ, взятыхъ коллективно, какъ цѣлое христіанское общество или Церковь. Примѣромъ подобныхъ изображеній можетъ быть слѣдующая весьма интересная символическая композиція, встрѣчающаяся на древне-христіанскихъ стеклянныхъ сосудахъ, надгробныхъ камняхъ и въ позднѣйшихъ мозаикахъ (до 9 в.): на горѣ, изъ которой бѣгутъ четыре потока, представленъ агнецъ, а по ту и другую его сторону—два города, изъ которыхъ выходятъ агницы и устремляются къ горѣ. Для образчика мы представляемъ здѣсь рисунокъ съ этой замѣчательной символической группы.

Эти два города означаютъ Иерусалимъ и Виедеемъ, какъ и обозначено это на самомъ рисункѣ латинскими названіями городовъ, а агницы, выходящія изъ перваго, означаютъ вѣрующихъ, обратившихся изъ іудейства,—выходящія же изъ втораго означаютъ христіанъ, обратившихся изъ язычества; такъ какъ въ лицѣ волхвовъ Спасительъ принялъ въ Виедеемѣ первенцевъ изъ язычниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что цѣль этой символической группы была направлена къ тому, чтобы поддержать братское единеніе и любовь между вѣрующими различнаго происхожденія, напоминая имъ чрезъ это одно мѣсто изъ апостольскаго посланія къ Галатамъ, гдѣ

говорится, что подь закономъ благодати нѣтъ лицепріятія, и что всѣ христіане, каково бы ни было ихъ происхожденіе, суть дѣти одного Отца небеснаго (Галат. 3, 26—28).

Въ то-же время мы знаемъ, что въ священномъ писаніи и въ твореніяхъ отцевъ Церкви названіе агнца дается также и каждому вѣрующему въ отдѣльности на томъ основаніи, что истиннаго послѣдователя Христова, по заповѣди евангельской, должны украшать тѣ качества кротости и непорочности, которыя, по мнѣнію первыхъ христіанъ, были нераздѣльны съ представленіемъ агнца. Древне-христіанскіе памятники, на которыхъ встрѣчается изображеніе агнца въ этомъ значеніи, до того многочисленны, что совершенно излишне перечислять ихъ. Замѣтимъ только, что упомянутое символическое значеніе агнца употреблялось на памятникахъ христіанскаго искусства или въ смыслѣ нравственнаго урока для живыхъ, или въ смыслѣ похвалы добрымъ качествамъ умершаго, если оно находилось на надгробныхъ камняхъ. Такъ, въ первомъ случаѣ, чтобы, на примѣръ, показать вѣрующимъ, что молитва бываетъ пріятна Богу только тогда, когда она исходитъ отъ сердца чистаго и непорочнаго, изображали вѣрующаго въ положеніи молящагося между двумя агнцами, символами чистоты и непорочности. Во второмъ случаѣ упомянутое значеніе агнца становится несомнѣннымъ отъ того обстоятельства, что рядомъ съ образомъ агнца употребляется еще эпитетъ *innocens* (невинный), или *innocentissimus* (невиннѣйшій), который такимъ образомъ служитъ буквальнымъ переводомъ символическаго изображенія агнца на языкъ обыкновенный. Иногда, вмѣсто образа агнца на надгробныхъ камняхъ употребляли одно названіе его, какъ часто это дѣлается съ символомъ рыбы. Въ этомъ случаѣ эпитафія даетъ умершему скромное названіе агнца, *agnus*, а въ приложеніи къ дитяти-ягненочка, *agnellus*, и даже ягненочка *Божія*, *agnellus Dei*.

Есть одна надгробная надпись на могилѣ пятнадцатилѣтняго отрока, въ которой умершій кромѣ названія *innox anima* отмѣченъ даже такимъ выраженіемъ *agnus sine maculata*.

2. Овцы.

Археологи утверждаютъ, что подь символическимъ изображеніемъ овецъ на памятникахъ древне-христіанскаго искусства означались апостолы ¹⁾. Они заключаютъ это изъ комбинаціи тѣхъ условій, или обстоятельствъ, при которыхъ встрѣчаются означенныя изображенія овецъ. Такъ, напримеръ, на саркофагахъ и въ старинныхъ мозаикахъ церквей въ Римѣ и Равеннѣ находятся собственные изображенія Спасителя посреди двѣнадцати апостоловъ, а у ногъ каждаго изъ послѣднихъ, или надъ головою, какъ это встрѣчается на памятникахъ Галльскихъ, представляются овцы. Особенно мозаика церкви св. Аполлинарія въ Равеннѣ, относящаяся къ VI вѣку, представляетъ изображенія овецъ въ такой постановкѣ, что не можетъ быть и тѣни сомнѣнія относительно ихъ символическаго значенія. Эта интересная мозаика, рисунокъ которой мы представляемъ немного ниже, аллегорическимъ способомъ изображаетъ преображеніе Господне: въ небѣ, усѣянномъ звѣздами, изображенъ крестъ, а по сторонамъ его Моисей и Ілія, — ниже на горѣ три овцы, очевидно замѣняющія апостоловъ Петра, Іакова и Іоанна (Матѣ. 17, 1), а при подошвѣ горы внизу — двѣнадцать другихъ овецъ, изображающихъ двѣнадцать апостоловъ....

¹⁾ Dictionnaire des antiquités chrétiennes, par l'abbé M. Martigny. 1865. pag. 89. l'art. Brebis.

Но, къ сожалѣнію, по несовершенству древняго искусства нельзя положительнo отличить, овцы, или агнцы представляются въ означенныхъ изображеніяхъ, точно такъ же, какъ, по свидѣтельству тѣхъ же самыхъ археологовъ, часто нельзя отличить на древне-христіанскихъ археологическихъ памятникахъ одинъ родъ птицъ отъ другаго, напримѣръ, орла отъ голубя ¹⁾ и т. под. Поэтому, намъ кажется, будетъ болѣе вѣроятнымъ, если мы въ означенныхъ примѣрахъ, вмѣсто овецъ, будемъ видѣть агнцевъ, съ одной стороны имѣя въ виду собственныя слова Спасителя, сказанныя Имъ апостоламъ при отправленіи ихъ на дѣло евангельской проповѣди: *идите: се Азъ посылаю вы яко агнцы посреди волковъ* (Лук. 10, 3), почему не можетъ быть, чтобы первенствующіе христіане не воспользовались этимъ указаніемъ Спасителя для символическаго изображенія апостоловъ, когда они, какъ мы видимъ, въ другихъ случаяхъ постоянно руководились подобными указаніями. Съ другой стороны положительно извѣстно, что изображенія овецъ на памятникахъ христіанскаго искусства служили собственно символомъ вѣрующихъ, какъ напримѣръ, стадо овецъ, пасущееся на скатѣ горы, или загнанное въ овчарнѣ, или, каково наконецъ, изображеніе заблудшей, но отысканной овцы на плечахъ пастуха.

3. Телець.

Археологъ Аринги ²⁾ представляетъ почти безчисленное множество свидѣтельствъ церковныхъ писателей, несомнѣно подтверждающихъ, что образъ тельца на древне-христіанскихъ памятникахъ служилъ символомъ Иисуса Христа, и

¹⁾ Dictionnaire des antiquités chretiennes, par M. Martigny 1865. pag. 25 l'art. aigle, u pag 476 l'art. oiseau... .

²⁾ Dictionnaire des antiquités chretiennes, par M. Martigny 1865. pag 645 l'art. veau.

каждаго вѣрующаго, — въ первомъ случаѣ потому, что Спаситель для искупленія человѣческаго рода сдѣлался жертвою креста, какъ въ ветхомъ завѣтѣ телець служилъ очистительною жертвою для людей подзаконныхъ, — а во второмъ случаѣ потому, что у тельца, какъ упоминаетъ объ этомъ св. Климентъ александрійскій въ извѣстномъ твореніи своемъ »Педагогъ«¹⁾, замѣчаются тѣ свойства кротости и невинности, которыхъ Спаситель требуетъ отъ cadaго вѣрующаго цѣною своей любви. Отсюда объясняется, почему иногда на памятникахъ христіанскаго искусства телець изображается подлѣ »добраго пастыря«. Памятники, на которыхъ встрѣчаются изображенія тельца съ упомянутымъ значеніемъ довольно многочисленны, — есть даже такой, на которомъ телець изображенъ играющимъ на лирѣ. Чтобы понять этотъ, съ перваго раза странный, сюжетъ, надобно припомнить одно мѣсто, въ твореніяхъ св. Амвросія, гдѣ сказано, что лира изображаетъ нашу плоть, которая когда укрощена отъ страстей и подчинена духу, производитъ подобно этому инструменту дѣла только пріятныя и угодныя своему Спасителю, представляемому здѣсь подъ образомъ тельца, столь обыкновенной жертвы въ ветхомъ завѣтѣ.

Изъ рода пресмыкающихся, которыхъ изображенія встрѣчаются на древне-христіанскихъ археологическихъ памятникахъ, имѣетъ особенно-важное значеніе — изображеніе змія. Оно служило съ одной стороны символическимъ знакомъ побѣды Іисуса Христа надъ діаволомъ, — съ другой — олицетвореніемъ той добродѣтели, которую Спаситель заповѣдалъ ученикамъ своимъ; наконецъ оно изображало самый крестъ и распятаго на немъ Богочеловѣка.

Въ первомъ случаѣ змій изображался свившимся у подножія креста, или монограммы Христовой, чѣмъ хотѣли выразить ту мысль, что тотъ, кто на время побѣдилъ Спа-

¹⁾ Paedagog. I. 1. c. 5.

сителя дровомъ креста, въ свою очередь тѣмъ же дровомъ креста былъ побѣжденъ на вѣки. Съ подобною же цѣлю императоръ Константинъ великій, по свидѣтельству историка Евсевія, велѣлъ изобразить себя въ преддверіи своего дворца съ крестомъ на головѣ и съ военнымъ знаменемъ въ рукѣ, которымъ онъ поражаетъ змія, низверженнаго у его ногъ. Образчикъ этого изображенія встрѣчается также на нѣкоторыхъ монетахъ этого государя и сына его Констанса. Отсюда объясняется существовавшая издревле обычай въ крестныхъ ходахъ, или въ большихъ литіяхъ вмѣстѣ съ крестомъ и хоругвями носить изображеніе змія, чтобы чрезъ такое взаимное сопоставленіе образа и самой вещи нагляднѣе и сильнѣе выразить для вѣрующихъ идею побѣды креста надъ древнимъ зміемъ.

Во второмъ случаѣ, на основаніи словъ Іисуса Христа, сказанныхъ Имъ ученикамъ Своимъ: *будете убо мудры яко змія*, первые христіане считали образъ змія символическимъ знакомъ, напоминающимъ о той мудрой осторожности и благоразуміи, которая должна украшать истинныхъ послѣдователей Спасителя. А такъ какъ, по заповѣди апостола Павла къ Тимофею: *подобаетъ епископу быти . . . цѣломудру* (1 Тим. 3 2), означенная добродѣтель особенно ярко должна свѣтить въ лицѣ епископовъ, какъ преемниковъ апостольскаго служенія, то понятно, съ какою цѣлю образъ змія на памятникахъ христіанскаго искусства часто служитъ рамкою, окаймляющею изображенія древнихъ епископовъ. Потому же самому и пастырскій посохъ у латинянъ въ древнее время почти всегда въ верхней его части обдѣлывался на подобіе змѣиной головы, тогда какъ посохъ греческихъ епископовъ имѣлъ на своемъ верху хрустальный шаръ, выражавшій Божество Іисуса Христа. Но всего любопытнѣе въ этомъ отношеніи изображеніе св. Амвросія на мраморномъ барельефѣ, который служитъ декора-

цією южныхъ вратъ церкви его имени въ Миланѣ. Великій епископъ представленъ здѣсь сидящимъ на каедрѣ, — вѣлвой рукѣ его посохъ, обдѣланный на подобіе извивающагося змія, а въ правой — родъ древняго тирса (жезла) съ тремя перевязями подъ шаромъ, которымъ онъ оканчивается на верху, и который обдѣланъ почти какъ еловая шишка. Кромѣ того, руки и ноги каедры, на которой сидитъ св. Амвросій, также имѣють подобіе змія.....

Далѣе, на основаніи сравненія, которое Спаситель сдѣлалъ между своимъ вознесеніемъ на крестъ и древнимъ вознесеніемъ змія въ пустынь, именно: на основаніи словъ Спасителя: *яко же Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ возвестися Сыну человеческому* (Іоан. 3, 14), первенствующіе христіане разсматривали изображеніе змія какъ самый наглядный и выразительный символическій знакъ креста и самаго Распятаго на немъ; такъ что многіе изъ нихъ въ послѣдствіи впали даже въ ересь, смѣшавъ простой образъ съ самимъ Изображаемымъ. Извѣстно, на примѣръ, что офиты вслѣдъ за николаитами и первыми гностиками воздавали самому змію поклоненіе, свойственное только Богу, а манихеи пошли еще дальше, поставивъ змія на мѣсто самаго Іисуса Христа. Что касается до православныхъ вѣрующихъ, то они всегда, и особенно въ то время, когда не было возможности дѣлать прямыхъ изображеній креста, употребляли эмблему змія, только какъ знакъ напоминанія о столь драгоцѣнномъ для нихъ предметѣ креста подобно тому, какъ они употребляли эмблемы агнца, пастуха, монограмму Христову и множество другихъ мистическихъ знаковъ, перенося отъ нихъ свою мысль и упованіе на Того, для Котораго образъ змія, или агнца, или пастуха и проч. служилъ только прообразомъ или тѣнію, и Который одинъ принесъ Себя въ жертву за спасеніе людей.

Но, кромѣ единичныхъ изображеній змія, какъ таин-

ственныхъ знаковъ распятаго Бога, употреблявшихся на амулетахъ, талисманахъ и другихъ памятникахъ христіанскаго искусства, есть одинъ памятникъ (позлащенный сосудъ), по признанію археологовъ, драгоцѣннѣйшій во многихъ отношеніяхъ, на которомъ даже изображены въ лицахъ обстоятельства, послужившія поводомъ Моусею *создать въ пустыни для народа израильскаго, по повелѣнію Божію, змію медяну и поставитъ ю на знамя* (Числ. 21, 8). Здѣсь мы видимъ образъ Моусея, который въ правой рукѣ держитъ палку, а указательнымъ пальцемъ лѣвой показываетъ на большаго змія, извивающагося предъ нимъ, — по другую сторону змія стоитъ новое лицо, которое представляетъ собою народъ іудейскій. Мы прилагаемъ здѣсь рисунокъ съ этого въ высшей степени замѣчательнаго памятника.

Наконецъ, не забудемъ сказать, что св. Амвросій въ своемъ толкованіи на 37 псаломъ дѣлаетъ еще правоучительное приложеніе змія къ каждому вѣрующему: *Imitare serpentem*, говоритъ онъ, и изображаетъ змія преимущественно символомъ воскресенія и безсмертія.

II. Озерцкій.

ВОСКРЕСНЫЯ БЕСѢДЫ ¹⁾

Мая 17. Вознесеніе Господне. Разсказана исторія послѣдняго явленія І. Христа апостоламъ и вознесенія Его на небо. Во время собесѣдованія одинъ изъ слушателей старикъ неоднократно прерывалъ меня, и начиналъ что-то говорить, но я его останавливалъ и просилъ подождать окончанія объясненія. Когда я кончилъ, то спросилъ его:

— Ну, Иванъ Трофимовичъ, что ты хотѣлъ сказать или спросить?

— Знаешь-ли ты, батюшко, что Христось ходилъ по землѣ тридцать три года.

— Какъ не знать! знаю.

— Да не то; вотъ ходилъ Христось по землѣ тридцать три года, а за плечемъ у него 33 года ходилъ діаволь. Вотъ Христось и говоритъ: доспѣю землю, сострою небо; ну и доспѣлъ землю и построилъ небо. А діаволь взялъ да и построилъ другое небо выше неба Христова. Да эдакъ они перепирались до трехъ разъ. Христось не поддался; Онъ надъ вторымъ небомъ построилъ третье. А діаволь еще Его перевысилъ: построилъ четвертое. Христось построилъ небо пятое, а діаволь вѣдь еще надстроилъ надъ пятымъ Христовымъ небомъ свое шестое. А на послѣдокъ Христось перевысилъ діавола, построилъ седьмое небо; діаволь ужъ не могъ создать неба выше. Вотъ Христось выбралъ 12 апостоловъ.... Потомъ этотъ представитель ходячихъ въ русскомъ народѣ нелѣпныхъ легендъ говорилъ что-то о Матѳеѣ съ евангелиемъ, о томъ, что Матѳея перваго Христось возвелъ на небо, говорилъ что-то о пророкѣ Іліи, какъ онъ по небу поѣхалъ въ колесницѣ своей, что когда загремѣлъ громъ, тогда Матерь Божія спрашивала І. Христа: что это такое, сыне мой? О, мати моя, отвѣчалъ Христось, какъ тебѣ

¹⁾ См. № 32—й.

сказать, какъ тебѣ повѣдать? какъ предадутъ же меня жи-
дове на распятіе.... несъ такую ахинею, что я долженъ
былъ его остановить во избѣжаніе соблазна для слушателей.
Наговорилъ онъ этой чепухи такъ много, что я не могъ все,
имъ сказанное, упомянуть; а по возвращеніи отъ обѣдни
не могъ записать въ дневникъ отъ слова до слова.

— Гдѣ ты эдакую галиматью слышалъ или вычиталъ?

— Еще на родинѣ слышалъ; я изъ пензенской губерніи.

— Послушайте добрые люди. Эти рѣчи, которыя вы слы-
шали, суть самыя нелѣпыя сказки, несообразныя съ разу-
момъ человѣческимъ, противныя слову Божию и богопротивныя,
богомерзскія. Сказки эти заключаютъ въ себѣ ересь. Онъ гово-
ритъ, что діаволь ходилъ за плечемъ у Христа 33 года. Въ
Евангеліи же говорится, что діаволь въ одно время искушалъ
І. Христа сначала въ пустынь, потомъ въ Іерусалимъ и
наконецъ на одной высокой горѣ, но послѣ послѣдняго иску-
шенія І. Христосъ отогналъ отъ Себя діавола, сказалъ: *отой-
ди отъ Меня сатана*; діаволь удалился отъ Него и ангели
служили Ему. Вотъ стало быть басня эта и противорѣчитъ
Евангелію: діаволь не во всю 33-лѣтнюю жизнь І. Христа
ходилъ за Нимъ, а только временно искушалъ, и потомъ
силою божественнаго слова І. Христа былъ прогнанъ. Даль-
ше: онъ говорилъ, что Христосъ съ діаволомъ состязались
въ построеніи семи небесъ. Во-первыхъ въ словѣ Божіемъ
нигдѣ не говорится, что небесъ семь; употребляется слово
небеса во множественномъ числѣ, напр. *хвалите его небе-
са небесъ*; но это не значитъ, что небесъ семь. Еще апо-
столь Павелъ въ одномъ изъ своихъ посланій говоритъ про
себя, что онъ восхищенъ былъ *до третьяго небесе*; но
дальше чрезъ нѣсколько строкъ онъ, повторяя тоже, гово-
ритъ, что онъ *восхищенъ бысть въ рай*; слѣдовательно
подъ третьимъ небомъ разумѣется рай. Я прежде вамъ го-
ворилъ, что ученіе о семи небесахъ есть выдумка Магоме-

това: онъ разсказывалъ своимъ послѣдователямъ о многихъ небесахъ, чрезъ которыя будто проѣзжалъ на кобылицѣ на седьмое небо для поклоненія Богу. Подъ небомъ разумѣется въ св. Писаніи или видимое небо, т. е. твердь, или то пространство, которое надъ землею и окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ, или невидимое небо, т. е. ангельскій міръ. Но какъ видимое, такъ и невидимое небо одно. Если же подъ небесами разумѣть разныя обители праведниковъ, удостоившихся вѣчнаго блаженства и живущихъ на небесахъ; то пожалуй можно сказать, что небесъ много. По ученію слова Божія, разныя степени блаженства: *ина слава солнцу*, говорится въ словѣ Божіемъ, *ина слава лунѣ*, *ина слава звѣздамъ* и проч. Одни изъ праведниковъ наслаждаются самымъ высокимъ блаженствомъ и ближе всѣхъ къ Богу, другіе получили меньшую степень блаженства, смотря по заслугамъ, третьи—еще меньшую и т. д. Въ этомъ смыслѣ, говорю, дѣйствительно, пожалуй, можно сказать, что небесъ много, но все-таки не семь опредѣленнымъ счетомъ. Во вторыхъ въ легендѣ этой вотъ кабая нелѣпость, несообразная съ законами природы и здравымъ смысломъ: выходитъ, что небеса сотворены Христомъ и діаволомъ уже тогда, когда Христосъ жилъ на землѣ, т. е. около 1850 годовъ тому назадъ, а отъ сотворенія міра до Христа въ теченіи болѣе 5½ тысячъ лѣтъ небесъ не было. Царь Давидъ жилъ задолго до Христа, а онъ въ своихъ псалмахъ упоминаетъ о небесахъ: *хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его небеса небесъ; Богъ нашъ на небеси и на земли, вся елика восхощь сотвори*. О небесахъ говорятъ и другіе пророки—писатели священныхъ книгъ. Въ—третьихъ басня о сотвореніи нѣкоторыхъ небесъ діаволомъ стѣитъ въ рѣзкомъ противорѣчии слову Божію. Въ книгѣ Бытія пророкомъ Моисеемъ написано: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, слышите ли? небо сотворилъ Богъ. *Рече Богъ: да*

будеть твердь. Изъ этого видно, что и видимое небо сотворилъ Богъ. Пророкъ Давидъ въ одномъ псалмѣ говоритъ: *словомъ Господнимъ небеса утвердишася и духомъ устъ Его вся сила ихъ.* Замѣтьте: не небо, а небеса утверждены—словомъ Божиимъ, а не діаволомъ. Въ другомъ мѣстѣ: *вся премудростію сотворилъ еси, Господи! вся, все,* стало быть и небеса. Апостолъ Павелъ пишетъ въ посланіи: *тѣмъ создана быша всяческая, яже на небеси и яже на земли, видимая и невидимая.* Обратите вниманіе; сказано: все, что на небеси и на земли, все видимое и невидимое создано Богомъ. Творецъ всего одинъ Богъ; а тутъ выходитъ два творца. Въ-четвертыхъ басня эта рассказываетъ о невозможномъ: невозможно, чтобы діаволъ могъ сотворить что-нибудь. Діаволъ есть тварь; онъ самъ сотворенъ, онъ ограниченъ, всемогущъ. Какъ же тварь можетъ сотворить небо, да еще не одно, а изъ семи небесъ три? Творить изъ ничего можетъ только всемогущій Богъ. А тутъ діаволъ представляется въ могуществовѣ соперникомъ Христу. Съ чѣмъ это сообразно, что діаволъ препирается съ Христомъ, тварь съ Создателемъ? Можетъ ли горшокъ спорить съ горшечникомъ, сшитый сапогъ съ сапожникомъ и сдѣлать что-нибудь подобное тому, что сдѣлано мастеромъ?—Между тѣмъ старикъ, который высказалъ легенду о сотвореніи небесъ и проч. вышелъ изъ комнаты. Одинъ изъ слушателей говоритъ:

— Да что объ этомъ, батюшко, толковать? Ужъ и видно, что не по людски и не по божески онъ говорилъ; какіе-то бредни! Вѣдь онъ какой-то полуумный; и въ простыхъ-то разговорахъ какъ будто чего-то у него недостаетъ здѣсь (при этомъ указалъ на свою голову).

— Я больше для него и говорилъ, чтобы его вразумить, чтобы онъ не вѣрилъ такимъ бреднямъ. Ты-то этому не вѣ-

ришь, а можетъ быть и между вами есть такіе, которые вѣрятъ этимъ бреднямъ.

— Чего и говорить! всякіе люди бываютъ. Иные изъ нашего брата, что услышатъ, тому и вѣрятъ. Поучи его чему-нибудь священникъ, прочитай ему грамотный человекъ что-нибудь изъ книги; нѣтъ вѣдь не пойметъ, не запомнить, а скажи вотъ эдакую же ахиною свой братъ мужикъ или баба, пойметъ и запомнить и вѣрить станетъ, да еще и другимъ расскажетъ. Что на побасенку походить, то скорѣе понимаютъ и дольше помнятъ.

— Да то ли еще толкуютъ! сказалъ другой; я видѣлъ въ Очерскомъ заводѣ старика кержака, лѣтъ 90, слѣпаго; такъ онъ такіе наговорилъ мнѣ турысы на колесахъ, что хоть святыхъ вонъ понеси.

— Что же онъ тебѣ сказывалъ?

— Да все о діаволѣ-тоже. Знаешь ли ты, говорить, что вѣдь діаволъ-то былъ крестовый братъ Христу; только Христось-то былъ старшій братъ, а діаволъ младшій. Богъ будто посадилъ Христа и діавола на небѣ на двухъ престолахъ рядомъ, потомъ велѣлъ, чтобы младшій братъ поклонился старшему, но діаволъ не захотѣлъ: я чѣмъ, говорить, хуже его? Богъ велѣлъ архангелу Михаилу свергнуть его съ неба.

— Да я и здѣсь въ Нытвѣ это слыхалъ, сказалъ третій. Въ опроверженіе этихъ бредней изложено ученіе православной Церкви о лицѣ І. Христа, воплотившагося Сына Божія, о грѣхонаденіи злыхъ духовъ и выставлена на видъ нелѣпность этой басни, противорѣчіе слову Божию и богохульный ея смыслъ.

— Другой сказалъ: летѣли, чуешь, діаволы три дня и три ночи....

— Объ этомъ - поговоримъ послѣ; теперь ужъ некогда, звонятъ къ обѣднѣ; въ слѣдующее воскресенье напомнимъ объ этомъ.